

ДИНО

БУЦЦАТИ

ЗАГАДКА
СТАРОВОГО ЛЕСА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Дино Буццати
Загадка Старого Леса

«Издательство АСТ»

1935

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

Буццати Д.

Загадка Старого Леса / Д. Буццати — «Издательство АСТ»,
1935 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-133468-0

Полковник в отставке Себастьяно Проколо - человек, который никогда не улыбается, — получает в наследство дом и участок леса в горах, однако большая часть владений унаследована племянником полковника — двенадцатилетним Бенвенуто, сиротой, живущим в пансионе. Старый Лес — волшебное место: в стволах вековых елей живут духи, которые могут принимать облик человека или зверя. И потому никто и никогда не решался вырубать те деревья. Но полковник не верит в глупые легенды и решает навести в Старом Лесу свои порядки, разобравшись заодно и с племянником... Причудливая и изящная «Загадка Старого Леса», с ее легкой и печальной интонацией, на первый взгляд относится к жанру литературной сказки для взрослых, однако за незатейливой в сюжетном отношении имитацией народной легенды скрывается глубокая притча о губительности противостояния человека и природы.

УДК 821.131.1-31

ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-17-133468-0

© Буццати Д., 1935
© Издательство АСТ, 1935

Содержание

Глава I	6
Глава II	7
Глава III	8
Глава IV	10
Глава V	12
Глава VI	15
Глава VII	17
Глава VIII	19
Глава IX	21
Глава X	23
Глава XI	25
Глава XII	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дино Буццати

Загадка Старого Леса

Dino Buzzati

IL segreto del bosco vecchio

© Dino Buzzati Estate

© Перевод. О. Поляк, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Глава I

Мы знаем, что полковник Себастьяно Проколо приехал в Нижний Дол весной 1925 года. Антонио Морро, его родной дядя, умирая, завещал Проколо часть огромного лесного угодья, расположенного в десяти километрах от поселка.

Оставшаяся часть владений – а она была значительно больше той, что унаследовал полковник, – перешла в распоряжение двенадцатилетнего Бенвенуто Проколо, который приходился Морро внучатым племянником. Отец Бенвенуто давно погиб, мальчик был круглым сиротой и жил в пансионе неподалеку от Нижнего Дола.

Прежде опекуном Бенвенуто считался Антонио Морро. После его смерти заботиться о мальчике пришлось полковнику.

В те времена, да и, в общем-то, всю свою жизнь Себастьяно Проколо был высок и худощав, носил пышные усы, отличался необыкновенной силой и выносливостью; рассказывают, он мог расколоть орех, зажав его между большим и указательным пальцами левой руки (Проколо был левшой).

Когда он подал в отставку, солдаты вздохнули с облегчением: такого сурового и требовательного командира поди-ка поищи. В день, когда Проколо, уходя, в последний раз переступил порог казармы, полк провожал его во дворе – уже много лет солдаты не выстраивались так быстро и безупречно; горнист, лучший в полку, превзошел самого себя, трижды протрубив в свой горн, да так чисто, задорно и бойко, что слух об этом разлетелся по всему гарнизону. Полковник лишь слегка скривил губы – и это даже напоминало улыбку¹, – сделав вид, будто он счел за глубокое почтение то, что на самом деле было тайной радостью по поводу его отставки.

¹ Никто никогда не видел, чтобы Проколо улыбался по-настоящему. (Здесь и далее прим. авт.)

Глава II

Морро, хозяин великодушный, был самым богатым человеком в долине и почти не пытался извлечь доход из своих владений. Он, правда, вырубал деревья, но лишь на небольшом участке леса. Самые красивые и могучие деревья – так называемый Старый Лес, который, впрочем, был не столь уж велик, – оставались нетронутыми. В Старом Лесу росли вековые ели; во всей округе, а возможно, даже в целом мире не найти старше. Столетиями топор не касался ни одного ствола. Полковнику достался в наследство как раз Старый Лес, где был дом, в котором жил Морро; кроме того, он получил узкую полосу примыкавших к лесу земель.

Как и все жители долины, Морро относился к Старому Лесу с благоговением. Незадолго до своей смерти он пытался – увы, напрасно – сделать те места национальным заповедником.

Спустя месяц после его кончины власти в благодарность за вклад, который Морро внес в сохранение природы, поставили ему памятник: на поляне перед его домом была установлена ярко раскрашенная деревянная статуя.

Все находили в ней сходство с покойным Морро и восхищались. Но когда на церемонии открытия оратор произнес: «...и поистине своими трудами он заслужил этот нетленный символ нашего почтения», собравшиеся, ухмыляясь, стали толкать друг друга локтями в бок и посмеиваться: как ни крути, статуя простоит полгода, не больше, а потом сгниет.

Глава III

Встречать полковника Проколо, прибывшего с поездом, отправился на своем старом автомобиле Джованни Аюти, человек средних лет. Разговор не клеился. (Потом старина Аюти не раз упрекал себя в том, что был дерзок и несдержан.)

– Чудеса! – выпалил он, едва успев поздороваться с полковником. – Знаете, а ведь вы как две капли воды похожи на беднягу Морро. Точно такой же нос.

– Вот как? – осведомился полковник.

– Да, сходство необычайное, – подтвердил Аюти. – Вылитый Морро. Если, конечно, не принимать во внимание...

– Вы тут все такие шутники? – произнес полковник ледяным тоном.

– Ну, пожалуй, не все, – смутился Аюти, – но иногда у нас шутят... Боже правый! Да мы не претендуем на остроумие.

Они поехали напрямик к дому Морро. Первые пару километров дорога шла по низине, через поля, которые потом сменились широкими лугами. Примерно за четыре километра от дома начался лес – сначала редкий, с высокими тощими деревьями.

Не доезжая километра до жилища Морро, автомобиль поднялся на плоскогорье и помчался вдоль просеки. Отсюда отлично просматривался – он хорошо виден и теперь – Старый Лес, который раскинулся меж двух гор, похожих на конусы с усеченной верхушкой, и затем взбирался на хребет, что тянулся над долиной. Вдалеке торчала желтая скала высотой в сотню метров, прозванная Рогом Старика, – голая и выщербленная, вся в трещинах и уступах, она выглядела угрюмо и отталкивающе.

Пока они ехали, рассказывал потом Аюти, полковник вспылil трижды.

В первый раз он расвирепел, когда автомобиль встал на крутом повороте дороги неподалеку от просеки: в баке закончился бензин. Аюти, правда, сумел скрыть эту истинную причину остановки от Проколо, который плохо разбирался в двигателях. Сказал, что здесь, на подъеме, так происходит всегда, ведь машина совсем износилась и утратила былую прыть². Полковник смирился с тем, что дальше придется идти пешком, однако был явно раздосадован. «Ну а Морро? – поинтересовался он. – Неужто и он плелся отсюда до самого дома?»

«У Морро, – ответил Аюти, – была лошадь с телегой. И что удивительно, лошадь умерла на следующий день после него. На редкость преданное животное».

Во второй раз полковник разозлился, когда они оказались у высокой сухой лиственницы. Они шагали по дороге, и откуда-то сверху раздался хриплый стрекот. Задрав голову, Проколо разглядел крупную черную птицу, примостившуюся на ветке.

Аюти объяснил, что это старая сорока, которая служит тут сторожем. Покойный Морро очень ценил ее: днем и ночью сорока сидит высоко на дереве, и стоит кому-нибудь пройти мимо, как она сразу подает голос, предупреждая тех, кто в доме. Крик и правда можно было услышать издали. Сметливая птица беспокоила хозяина лишь в том случае, если шли к дому; на тех, кто спускался в долину, она даже не обращала внимания. Лучшего сторожа и не пожелаешь.

Проколо тут же заявил, что это ему не по нраву. Разве можно доверять птице? Морро, любезному дяде, следовало поставить часовым человека, который передавал бы верные сведения. Кроме того, наверняка птица иногда спит – как же она во сне наблюдает за дорогой? Сорока, сказал Аюти, спит с открытыми глазами.

² После этого случая Аюти, даже если он ехал один, был вынужден каждый раз останавливать машину на том подъеме и оставшиеся два с половиной километра шагать пешком.

– Слыхал я такие рассказы, – ответил Проколо, желая положить конец разговору, и зашагал дальше, размахивая тростью; он даже не смотрел по сторонам и до самого дома так ни разу и не взглянул на лес – а ведь лес отныне принадлежал ему.

В третий раз Проколо рассердился уже возле дома. Дом был старый и построен довольно причудливо – впрочем, его можно назвать красивым.

Взгляд нового хозяина сразу упал на жестяной флюгер, торчавший над трубой.

– Это, похоже, гусь? – спросил он.

Аюти кивнул: флюгер, точно, сделан в форме гуся, его смастерил Морро три года назад.

Тогда полковник сказал, что, по его мнению, в доме нужно многое поменять.

К счастью, подул легкий ветерок – из тех, какие почти всегда снуют в больших лесах, и полковник заметил, что гусь вертится бесшумно. Это немного успокоило его.

Тем временем на пороге появился Ветторе, слуга Морро, – ему шел уже шестой десяток; я в вашем распоряжении, объявил Ветторе полковнику и прибавил, что кофе готов.

Глава IV

На следующее утро, около половины одиннадцатого, в дом вошли пятеро мужчин, о прибытии которых заблаговременно сообщила сорока. Они были членами лесной комиссии и хотели проверить, как идут дела.

Глава комиссии объяснил полковнику, что по закону такие осмотры должны совершаться регулярно, дабы удостовериться, что хозяин не уничтожает слишком много деревьев и трав. К Морро у них претензий не было, он распоряжался своими владениями как нельзя благоразумнее и, хотя выжал все соки из рощи, прилегающей к просеке (теперь необходимо беречь эту рощу и не прикасаться к ней в ближайшие годы), оставил в безупречном состоянии леса, которыми отныне владеет Бенвенуто, и, главное, никогда не посягал на Старый Лес, гордость долины. Но комиссия должна выполнять свои обязанности, ничего тут не поделаешь.

Полковник встретил их прохладно, но, в общем-то, был не прочь взглянуть на Старый Лес, о котором ему столько рассказывали.

И Проколо вместе с членами комиссии отправился в путь. Пройдя через участок вырубленного леса (глава комиссии только руками развел, удивляясь, что Морро мало-помалу уничтожил тут почти всю растительность и роща сильно поредела – случись ураган, от нее совсем ничего не останется), они оказались перед деревянной изгородью, за которой начиналась густая чаща и росли в основном ели, могучие исполины.

Здесь – ни следа вырубок. Лишь неподалеку от изгороди лежало толстое дерево – скорее всего, оно рухнуло от старости или его повалил ветер. Никто не позаботился о том, чтобы вывезти его отсюда, и ветви обросли мягким зеленым мхом.

Завязался разговор.

Полковник спросил, дозволено ли ему рубить деревья по крайней мере в Старом Лесу.

Глава комиссии ответил, что запрета нет, но, разумеется, нужно знать меру.

Тут вмешался его товарищ, Бернарди, он был высок и крепко сложен, с мягкими чертами лица; определить его возраст никто не смог бы.

– Запрета нет, это правда, – сказал он. – Но хочется верить, полковник, что в благородстве вы не уступаете своему почтенному дядюшке Морро. Речь идет о вековых елях, старше которых нет, насколько известно. И я уверен, что вы не намерены...

– Своих намерений, – оборвал его Проколо, – пока не знаю я сам. А еще я не терплю, когда суют нос в мои дела, простите за грубость...

– Извольте выслушать меня до конца, – сказал Бернарди, – и не горячитесь. Давно, много веков назад, на этой земле не росло ни травинки. Хозяином тогда был разбойник, атаман Джакомо, прозванный Джако, человек железной воли, он даже командовал собственным войском. Однажды он возвратился к себе в хижину, потеряв в бою всех своих людей, раненый и до смерти усталый. Тогда он подумал: впредь нужно быть осмотрительнее, ведь если меня начнут выслеживать, спрятаться ровным счетом некуда; посажу-ка я лес, в котором смогу скрываться. Сказано – сделано, Джакомо посадил лес, но, поскольку деревья растут медленно, ему пришлось ждать до восьмидесяти лет. Тогда он снова собрал войско и отправился на дело, как в былые времена. С тех пор много воды утекло, но кто поручится, полковник, что Джакомо не вернется сюда в один прекрасный день? Скажу вам больше: его ждут не сегодня завтра, и, может статься, он придет прямо вечером. И конечно, у него не окажется ни гроша за душой и ни единого соратника. За ним по пятам будут гнаться сотни мужчин и, может быть, даже женщин – все с ружьями и дубинами. А у него в руках только кривая сабля, он голоден и без сил. Неужели он не имеет права вернуться в свой лес, чтобы тут, среди деревьев-великанов, найти убежище? Ведь лес по-прежнему принадлежит ему, разве не так?

– Терпение мое вот-вот лопнет, – отрезал полковник. – Что за чушь вы несете.

– Кажется, я не сказал ничего нелепого, – повысил голос Бернарди. – Посягнуть на этот лес – вещь неслыханная, запомните.

Он пробормотал еще что-то и зашагал прочь, в глубь Старого Леса.

Глава комиссии, желая оправдать Бернарди, сказал, что тот действительно странноват, часто тревожится по пустякам, зато никто лучше него не знает лес, а если нужно вылечить какое-нибудь растение, тут уж он мастер, равных ему в этом деле не найти.

Полковник, видимо, разозлился не на шутку. В одиночку он пошел обратно к дому. Вдруг из чащи донесся чей-то голос: «Полковник! Полковник, подите-ка сюда, вы только взгляните!»

– Кто это зовет меня? – спросил Проколо начальника комиссии.

– Понятия не имею, – ответил тот, смутившись, – ни малейшего понятия.

– С наглецами, – сказал полковник, узнавший голос Бернарди, – с наглецами у меня разговор короткий. Так и передайте ему, если сочтете нужным.

И быстро направился к дому, а над лесом еще долго носилось эхо: «Полковник! Полковник!»

Глава V

Это случилось то ли на следующий день после прихода лесной комиссии, то ли два дня спустя.

Пужинав, Проколо прогуливался на лужайке перед домом.

Уже почти стемнело, когда раздался крик сороки-сторожа.

Полковник спросил у Ветторе, кого это принесло в такой поздний час. Ветторе ответил, что не знает.

Прошло двадцать минут, никто не появлялся. Сорока прокричала снова.

– Если в первый раз птица и могла ошибиться, то дважды – ни за что, такого еще не случилось, – заметил Ветторе.

Полковник шагал взад-вперед по лужайке еще три четверти часа, однако никто так и не пришел. Наконец он решил укладываться спать и наказал Ветторе не смыкать глаз до утра.

В половине десятого он погасил свет, залез в постель и лег на живот, чтобы поскорее заснуть. Именно в тот момент сорока подала голос в третий раз. Но опять никто не пришел.

Птица-сторож кричала в половине одиннадцатого, в десять минут двенадцатого, потом ровно в полночь, без двадцати минут два, без пяти три и, наконец, в три часа сорок три минуты. Каждый раз полковник начинал ворочаться в кровати, ожидая чего-то и отгоняя сон прочь. Каждый раз он зажигал свет и смотрел на часы.

В три часа сорок девять минут, когда сорока в десятый раз сообщила о том, что к дому кто-то идет, полковник вскочил с постели, оделся, схватил заряженное ружье и направился к старой лиственнице.

Той ночью сияла почти полная луна – только-только она начала убывать.

Дойдя до опушки, полковник – хотя в лесу было светло – стал озираясь по сторонам, пытаясь понять, не прошел ли он мимо лиственницы, на которой сидит сорока. Вдруг прямо у него над головой раздался хриплый голос.

Посмотрев вверх, Проколо увидел на самой макушке дерева своего сторожа. Он поднял ружье, прицелился и нажал на курок.

Растаяло эхо от прогремевшего выстрела, и слышны были только пронзительные крики раненой сороки, которая билась на ветке. Полковник прекрасно понимал, что все это не к добру. Скверный знак.

– Ты, похоже, совсем спятил. Что за глупые шутки? С какой стати ты мешаешь мне спать? Довольно! – разозлился Себастьяно Проколо. – Ты протрещал десять раз, а никто так и не пришел.

– Дуралей! – возмутилась сорока. – Ты подстрелил меня. Теперь ни за что не скажу, кого я видел сегодня ночью, так и знай.

– Готов побиться об заклад, что никого ты не видел, – сказал полковник. – Ведь ты всполошился, даже когда мимо прошел я, хотя я спускался, а не поднимался к дому.

– Просто я задремал и заметил тебя уже тут, под деревом, и поначалу не признал. Подумал: вдруг это идут из долины?.. Уж и один-единственный раз нельзя ошибиться!

С трудом удерживая равновесие, сорока перепрыгивала с ветки на ветку, пока не спустилась ниже. Ослабев от полученной раны, она опиралась на крылья и старалась не подавать виду, что ей больно.

Настала тишина. Потом у подножия дерева послышался мерный, дробный стук. Полковник догадался, что это капает кровь.

– Кто проходил здесь? О ком ты предупреждал? – спросил Себастьяно Проколо.

– Этого я тебе не скажу, – ответила сорока. – Даже не проси.

И снова тишина. Только стук капель крови по стволу.

– Наверно, рана пустяковая, – сказал полковник.

– Да какая разница. И вообще это не твое дело. Я и так хотел убраться восвояси из этих злосчастных мест. Вот наивный: думал, что меня отблагодарят за преданную службу. Но теперь я сыт по горло, мне здесь опостылело. Тут все одряхлело, все на ладан дышит, того и гляди превратится в труху. Морро умер. Да и ты уже не мальчик, дорогой мой полковник.

– Если не прекратишь своей болтовни, всажу еще одну пулю, – пригрозил Проколо.

Сорока пробормотала что-то, расслышать было невозможно. Ее голос слабел, становился все глуше, и говорила она теперь с трудом.

– Ты ранил меня, и это подло, – сказала сорока, помолчав. – Наверняка я умру. Но прежде чем умереть, я хочу прочесть стихотворение.

– Стихотворение?

– Да, – с грустью промолвила сорока. – Поэзия – единственная моя отрада. Правда, стихосложение дается мне нелегко. Почти никогда не удается подобрать рифму. И разумеется, кто-то должен слушать мои стихи, иначе зачем сочинять? За весь год лишь два раза...

– Ладно, – перебил ее полковник. – Только не тяни, давай поскорее...

В тишине было слышно, как капает кровь – капли стали совсем мелкими и скупыми. Собрав последние силы, сорока гордо подняла голову и, опираясь на крылья, посмотрела на луну. Потом раздался ее хриплый голос, и в нем была странная нежность:

Помню те дни, когда мне твердили:
«Ты птица высокого полета,
жизнь твоя протечет легко и счастливо
и будет долгой-долгой».

Так говорили мои родичи.
Я же отвечал им:
«Ерунда, ведь это вы рождены
быстрыми и проворными...»

Сорока запнулась и, тяжело дыша, произнесла виновато:

– Вот незадача: я сбился. Такое иногда случается со мной, ума не приложу, почему...
Полковник, махнув рукой, дал ей понять, что ничего страшного и он терпеливо ждет.
– Итак, – сказала птица, – на чем мы там остановились?

«...Ерунда, ведь это вы рождены
быстрыми и проворными.
И ждет вас слава. Может,
вам даже воздвигнут памятник.
Вот увидите, вы гораздо лучше меня
и проживете дольше».

Отвечали мои родичи:
«Зачем ты скромничаешь?
Природа наградила тебя так щедро,
что ты заткнешь за пояс всех прочих птиц».
Тогда я напускал на себя сердитый
вид: «Нет, братцы! Кому, как не вам,
Взмывать в небеса?
и где-то над Америкой – о, прекрасный сон! —

будете почивать на лаврах, как Наполеон».

Долго мы пререкались. Спорили
в апреле, в августе, в сентябре... Лютый
декабрь настал, и ветер задул холодный,
они не умолкали: «Ты самый из нас благородный...»

– Смотри-ка, у тебя вышло в рифму! – крикнул снизу полковник.

– И правда, – сказала сорока, – я и сам услышал. Жаль только, что...

Себастьяно Проколо не сводил с нее глаз. Он заметил, как голова сороки поникла, точно тряпичная. Птица завалилась на бок, на мгновенье замерла и упала на соседнюю ветку, потом ниже, еще ниже, пока в конце концов не распласталась на земле.

Полковник подобрал птицу, подержал ее в руках и снова уложил на траву. Когда он направился обратно к дому, уже светало.

Глава VI

В точности неизвестно, откуда Себастьяно Проколо узнал про лесных духов и про ветер Маттео.

По рассказам Ветторе, однажды вечером Проколо увидел в лесу свет и, никем не замеченный, пошел выяснить, в чем дело. Оказалось, это Бернарди с фонарем в руке провожал домой троих ребятишек, заблудившихся в чаще, – все трое были из пансиона, где учился Бенвенуто. Бернарди рассказывал им про духов и про ветер, не подозревая, что полковник шел следом и все слышал.

Другие утверждают, что полковник понимал язык птиц и это они поведали ему историю.

Оба предположения, однако, не слишком убедительны. Несомненно одно: Проколо прознал обо всем очень быстро. Останься он в неведении, не случилось бы того, что случилось.

Это старинное поверье вспоминали часто, но никто не принимал его всерьез. Людям оно кажется далеким от правды, и по сей день в Нижнем Доле не найдется, пожалуй, никого, кто не считал бы его выдумкой; и даже если бы они прочли эту книгу, то все равно, наверное, не поверили бы, настолько те люди полны предрассудков и держатся за избитые истины.

Еще много веков назад стали замечать, что Старый Лес не похож на другие. О таких вещах, судя по всему, предпочитали не высказываться вслух, и тем не менее жители долины были в этом убеждены. Однако никто не мог объяснить, чем все-таки Старый Лес отличается от остальных лесов.

Это удалось выяснить только в начале прошлого столетия. Аббат дон Марко Мариони, побывав в тех местах, понял, почему Старый Лес – особенный. Аббат не нашел ничего странного в том, что разузнал, и в своих «Записках странствующего клирика по геологии и естествознанию», изданных в Вероне в 1836 году, посвятил открытию лишь несколько строк.

Его рассказ краток, но предельно ясен:

«В той долине все услаждало мой взор.

Я бродил по чаще – жители Альпийских гор прозвали ее Старым Лесом; она славится могучими деревьями, которые гораздо выше колокольни Святого Калимера. Мне довелось заметить, что внутри стволов живут духи, каковых можно повстречать и в других землях. Я расспросил об этом местных жителей, но, похоже, они ничего не знали. Каждое дерево, я полагаю, служит убежищем для духа, и время от времени он покидает свое жилье, принимая облик зверя или человека. Те создания простодушны и добры, они не способны причинить людям вред. Старый Лес простирается на тысячи акров...»

Мариони оказался первым и последним натуралистом, писавшим о духах Старого Леса. Его сведения не были открытием, ведь в Нижнем Доле издавна поговаривали об этих обитателях. Вполне вероятно, что слух пустил какой-нибудь лесник, убежденный в том, что внутри стволов живут духи; но его сразу подняли на смех.

А между тем и жители долины, и сменявшие друг друга хозяева Старого Леса ничуть не сомневались в том, что вековые ели были необычными деревьями. Этим, кстати, объясняется, почему в тех местах никогда не производилось вырубок. Но стоило кому-нибудь завести речь о духах, как его тут же объявляли пустословом.

Только дети, еще свободные от предрассудков, могли заметить, что лес населен духами, и часто говорили о них, хотя и не слишком хорошо представляли, кто они такие. Правда, повзрослев, дети переставали верить в духов и больше прислушивались к родителям, которые утверждали, что все это чепуха, нелепые рассказы.

Стоит добавить, что даже мы не располагаем точными сведениями о духах Старого Леса. Видимо, эти существа, как пишет аббат Мариони, и вправду могли выходить из стволов, принимая облик человека или зверя, и случилось это в исключительных обстоятельствах.

Отсюда следует, что им было не под силу тягаться с людьми.

Жизнь духов целиком и полностью зависела от жизни ели, служившей им домом, и длилась сотни лет.

Они были на редкость словоохотливы и, устроившись на макушках деревьев, болтали дни напролет – друг с другом или с ветром. Иногда разговоры не смолкали даже ночью.

Кроме того, как нам кажется, духи быстро смекнули, что их жизнь находится под угрозой и они погибнут, стоит только людям начать рубить лес. Известно, что один из них – жители Нижнего Дола об этом и не подозревали – уже давно делал все возможное, чтобы спасти товарищей. Это был Бернарди.

Он был моложе своих сородичей и не так ленив. Похоже, он почти все время жил среди людей, чтобы отвести от духов беду.

Став членом лесной комиссии, Бернарди много лет подряд убеждал Морро сохранить Старый Лес. Он знал, что Морро тщеславен, и воспользовался этой его слабостью, устроив так, чтобы Морро включили в состав лесной комиссии. Бернарди добыл для него почетную грамоту, и его же усилиями Морро вручили орден. После смерти Морро Бернарди предложил поставить ему памятник – скромный, конечно, но искусной работы.

Скольким пожертвовал Бернарди, сколько принял на себя хлопот и какие только хитрости не пускал в ход ради товарищей. Вечерами, пока остальные духи, покачиваясь на вершинах елей, хором распевали свои излюбленные песни, Бернарди беседовал с Морро, направляя его мысли в нужное русло; ему приходилось обсуждать скучные вопросы, которые ничуть его не волновали, играть в карточные игры, наводившие тоску, пить вино, такое невкусное. А в окно между тем, вместе с пьянящим ароматом хвои лились голоса его беззаботных собратьев.

После знакомства с полковником Проколо, открыто высказавшим свое намерение рубить Старый Лес, Бернарди понял, что уговоры тут бесполезны. И ради спасения духов он решил прибегнуть к крайнему средству – позвать на помощь ветер Маттео.

Глава VII

В начале века Маттео знали все жители Нижнего Дола. Мало кому из ветров удалось так прославиться.

Говорили, Маттео способен на многое. Правда это или нет, несомненно одно: перед ним все трепетали. Когда приближался Маттео, стихал птичий гомон, белки прятались по дуплам, зайцы, сурки и кролики забивались в норы, коровы мычали протяжно и жалобно.

В 1904 году Маттео снес дамбу в О. вместе с гидроэлектрическими сооружениями. Когда завершилось ее строительство и оставалось только запустить воду, главный инженер, некто Симоне Дивари, хвастал перед коллегой ее прочностью; кажется, он заметил между прочим, что дамбе не страшны ни землетрясение, ни шторм. Его слова случайно услышал Маттео – по крайней мере так сказано в официальных материалах следствия по этому делу – и пришел в ярость. Взяв разбег, ветер обрушил на дамбу всю свою мощь. Не выдержав натиска, дамба развалилась.

Маттео был горд и честолюбив, он предпочел единолично властвовать над небольшой долиной, а не кружить по бескрайним просторам океанов и равнин, где мог запросто столкнуться с другими ветрами куда сильнее него. Примечательно, что его уважали те собратья, которые были гораздо влиятельнее и занимали более высокое положение. Случалось, даже самые могущественные ветры, ведавшие перемещением циклонов, останавливались поболтать с Маттео. Но и с ними хозяин Нижнего Дола держался в своей привычной манере, надменно, заносчиво, свысока.

За два часа до наступления темноты Маттео чувствовал в себе особенный задор и, как правило, был полон сил в период растущей луны.

После самых отчаянных своих проделок, от последствий которых долина оправлялась с трудом, Маттео слегка уставал. Он выбирал какую-нибудь укромную поляну, располагался там поудобнее и медленно кружил несколько недель кряду, кроткий и смирный.

Не будь этих периодов затишья, вся долина давно бы уже ополчилась против него. В погожие ночи Маттео проявлял себя совсем с другой стороны: он был превосходным музыкантом. Пробегая по лесу, ветер дул то посильнее, то мягче и нежнее – так рождались изумительной красоты мелодии. Над лесом звучали напевы, похожие на священные гимны. Вечерами после бурь люди выходили из домов, собирались на опушке и, любуясь ясным небом, часами слушали пение Маттео. Органист из собора обнаружил в нем серьезного соперника и говорил, что все это небылицы, ветер не может петь. Но однажды ночью его увидели на опушке, он притаился под деревом. И даже не заметил, что разоблачен, настолько заворожала его музыка ветра.

В 1905 году один могущественный ветер, прибывший из дальних стран, уверил Маттео, что нигде так славно не отдохнуть, как в пещере. Нужно только найти пещеру попросторнее, чтобы поместиться там целиком и описывать круги. Потом, говорил тот ветер, приходит ощущение необычайной легкости.

И Маттео стал искать пещеру. Но попадались то слишком маленькие, то чересчур длинные и узкие, словно лаз, и ему никак не удавалось втиснуться туда. Однажды он приметил огромную пещеру, ее полость была похожа на собор, а в глубине сверкало озеро, но ту пещеру уже занял свирепый океанский ветер, который сбился с пути, и Маттео понял, что мериться с ним силой бессмысленно. Ничего не поделаешь.

Подсказку дала сорока-сторож. Если подняться от Старого Леса в гору, то прямо у подножия Рога, там, где начинались отвесные скалы, можно заметить дыру, напоминавшую широко разинутую пасть, – это был вход в большую круглую пещеру, совершенно необитаемую.

И Маттео поспешил туда. Он отыскал дыру и с трудом, вытянувшись тончайшей струйкой, просочился внутрь и мало-помалу протаскивал в пещеру свой длинный шлейф. И начал кружить – это оказалось очень приятно. Из пещеры доносился рокот, похожий на музыку.

Вот тогда-то духи Старого Леса, которые натерпелись от Маттео страха, тихонько вышли из стволов, дружно налегли на огромный камень, подкатали его к пещере и привалили к узкому входному отверстию, заперев ветер внутри. Маттео выбился из сил, но так и не попал на свободу: ему было слишком тесно, он не мог использовать всю свою мощь, чтобы отодвинуть валун, который, надо признать, оказался весьма тяжелым.

Теперь снаружи уже было не услышать мелодичного гула. Сквозь щель, которая совсем не годилась для побега, вырывался злобный свист, и можно было даже различить слова. День и ночь разгневанный ветер сыпал проклятиями, не смолкая ни на мгновение. Он так сквернословил, что вокруг засохли все травы, а с деревьев, что росли неподалеку, опала листва.

Шли годы, свист становился приглушенней и слабее, ругань почти иссякла, у заваленного камнем входа в пещеру снова стала пробиваться трава. Теперь из щели доносились лишь горестные стоны: Маттео умолял вернуть ему свободу. Жалобы лились беспрерывно, и лесные звери, пробегаая мимо валуна, замирали и прислушивались, изумленные.

Маттео поклялся беспрекословно повиноваться тому, кто освободит его. Он сулил несметные богатства, обещая вырывать с корнем деревья из соседних лесов и приносить добычу, поднимать в воздух целые стада и табуны и перетаскивать их с самых далеких пастбищ; он обещал наделить своего спасителя могуществом, каким обладают редкие из королей, сразить его врагов, сделать погоду ясной, расчистив небо, или, нагнав тучи, вызвать ненастье – стоит лишь приказать. Долгими часами он рассказывал в мельчайших подробностях о тех благодеяниях, которыми осыплет своего освободителя. Но поблизости не было никого, кто мог бы внять его мольбам и отодвинуть камень, – только травы, любопытные зайцы да птицы, которым наскучили его причитания.

Глава VIII

Обо всем этом узнал полковник Проколо. Вернее, ему рассказали (кто – неясно), что Бернарди, желая воспрепятствовать вырубкам в Старом Лесу, решил освободить Маттео и заручиться его помощью. Тогда для Себастьяно Проколо дело приняло бы скверный оборот.

И полковник задумал опередить Бернарди. Он сел на велосипед и спустился в Нижний Дол, нанял четырех рабочих, приказав им захватить с собой кирки, молотки, рычаги, зубила, порох и фитиль, и отправился на выручку Маттео. Если он успеет освободить Маттео прежде, чем это сделает Бернарди, ветер станет подчиняться ему – и бояться нечего.

Одолев крутой подъем, изнывая от палящего солнца, Проколо вместе с рабочими дошел до подножия Рога Старика. Отыскать заваленный камнем вход в пещеру не составило труда. Ветер по-прежнему был заперт внутри: из-под валуна доносился тонкий, жалобный голос. В некотором замешательстве – вполне объяснимом, впрочем, – Проколо начал переговоры. Он попросил рабочих подождать в стороне, чтобы не подслушивали, а сам подошел к камню и стукнул по нему палкой. Потом спросил: «Кто здесь?»

Тихий посвист, который раздавался из глубины пещеры, сразу набрал силу, и полковнику даже удалось различить отдельные слова.

Проколо отпрянул в смнении. «О Боже, – пробормотал он, – что, если мы не сможем понять друг друга?..»

Но спустя мгновение полковник собрался с духом, снова приблизился к валуну и произнес громко и отчетливо:

– Если я выпущу тебя, ты клянешься во всем мне подчиняться?

– Ну разумеется, я в твоём полном распоряжении, – просвистел ветер.

– Меня зовут Проколо. Полковник Себастьяно Проколо.

– Говори громче! Не расслышу! – злобно завыл ветер.

– Себастьяно Проколо, – произнес по слогам разъяренный полковник. – А ну, давай, клянись. Да поживее.

И ветер зашелестел:

– Клянусь, что если сей Бастьяно...

– Себастьяно! – проревел полковник.

– ...что, если сей Себастьяно Проколо выпустит меня на волю, то я всегда и во всем буду ему послушен, по велению Себастьяно Проколо я уничтожу его врагов, устрою бурю или расчищу небо от облаков – пусть он только пожелает. Клянусь, что отплачу ему благодарностью за освобождение из этой темницы, пусть даже мне придется погубить чью-нибудь жизнь. Отныне и впредь, до последнего вдоха, моя жизнь связана с жизнью Себастьяно Проколо.

– Отлично, – сказал полковник. – Это все, что ты хотел сказать?

– Пожалуй, да, – отозвался из пещеры ветер. – Вот моя клятва.

Свистнув в свисток, полковник подозвал рабочих и объяснил, что нужно взорвать глыбу. Рабочие тут же взялись за дело, застучали молотки. Проколо укрылся в тени ближайшей ели, вытер со лба пот и присел на землю.

С первым же взрывом камень разлетелся на мелкие осколки. Теперь ничто не преграждало вход в пещеру. Внутри что-то забушевало, завывало, словно из огромной раковины выпустили воду. Ветер начал выходить наружу.

Маттео вырвался вихрем, подняв в воздух клубы пыли и крошки от взорванного валуна, – он хотел покружиться, щегольнуть своей мощью. Основная его часть еще оставалась в пещере, когда полковник, вскочив на ноги, бросился к дыре и закричал что было сил:

– Эй, потише! Это ведь мой лес! Не смей крушить тут все, пока я не прикажу!

Проколо в ярости размахивал палкой, рабочие удивленно смотрели на него. Он вдруг подумал, что ветер первым делом захочет отомстить духам, которые заперли его, и превратить лес в щепки.

– Не бойся, полковник, – ответил Маттео, взмывая все выше в небо, и в его голосе звучали вызов и насмешка. Он бился о скалу и толкал булыжники, притом довольно крупные, и камни с грохотом катились вниз.

Полковник отошел на безопасное расстояние, отпустил рабочих и прилег в тени отдохнуть. Еще около получаса над его головой носились вихри, в воздухе что-то клокотало. Маттео разминался после двадцати лет заточения.

Потом ветер спустился ниже и, колыхая ветви деревьев, спросил полковника, есть ли у него какие-нибудь приказы.

Поразмыслив, Проколо ответил, что нет; пусть ветер явится к нему завтра утром.

– И это всё? – усмехнулся ветер.

– Всё, – подтвердил полковник. – Ты ведь на воле совсем недавно, вот я и решил, что тебе нужно попривыкнуть к свободе.

Ветер улетел, осталась одна только тишина. Спустя некоторое время полковник направился к дому. В тот день на нем были почти новые ботинки, которые скрипели при каждом шаге, нарушая покой леса.

Глава IX

15 июня полковник распорядился начать вырубку в Старом Лесу. Маттео больше не представлял опасности, и Себастьяно Прокколо приказал повалить деревья в центральной части леса – в результате получится просека, на которую потом можно будет перебрасывать деревья, срубленные выше по склону.

Рабочие окружили могучую красную ель метров сорок в высоту, которая росла на опушке. Около половины четвертого полковник вышел из дома и зашагал в сторону Старого Леса, он хотел посмотреть, как продвигается дело. Его сопровождал ветер Маттео.

По мере того как он приближался, визг пилы становился все громче и пронзительнее. Дойдя до места, полковник был поражен, увидев группу людей, собравшихся вокруг ели, над которой трудились рабочие.

Маттео растолковал, что это духи, они пришли попрощаться со своим товарищем. Явились не все, а только жившие неподалеку. Прокколо сразу заметил среди них Бернарди.

Они были высоки и худощавы, со светлыми, ясными глазами, лица доброжелательные, открытые и словно высушенные солнцем. Одеты в костюмы зеленого цвета – одежду такого покроя носили в прошлом веке, – без претензий на элегантность, но очень опрятные. Каждый держал в руке фетровую шляпу. Почти все были светловолосы и без бороды.

Похоже, никто не заметил появления полковника. Прокколо воспользовался этим, чтобы подкрасться к духам сзади и понаблюдать за происходящим. Укрывшись за их спинами, он осторожно коснулся полы кафтана одного из духов, желая убедиться в том, что ткань настоящая и все это не простой обман зрения.

Дровосеки с невозмутимым видом продолжали работу, словно поблизости никого не было. Четверо из них орудовали пилой, которая уже основательно углубилась в толщу ствола. Пятый возился с тросом, следя за тем, чтобы дерево упало в нужную сторону.

На камне возле ели в одиночестве сидел дух, такой же, как остальные. Это был дух дерева, в которое вонзилась пила. Он не сводил глаз с дровосеков.

Все молчали. Слышался только визг пилы и шелест ветвей, которые рассеянно перебирал Маттео. Солнце то скрывалось за облаками, то появлялось вновь. Полковник заметил, что на ели, которую он приказал повалить, не было ни одной птицы, между тем как на соседних – множество.

Вдруг Бернарди шагнул вперед и приблизился к одиноко сидевшему духу, положил руку ему на плечо.

– Мы пришли попрощаться с тобой, Саллюстио, – сказал он громко, будто хотел подчеркнуть, что говорил от имени всех собравшихся.

Дух красной ели встал с камня, по-прежнему не отрывая глаз от пилы, которая вгрызлась в ствол.

– Горько видеть все это, мы к такому не привыкли, – продолжил Бернарди, и в голосе его звучала безысходность. – Но ты ведь знаешь, как я старался помочь и сколько усилий приложил, чтобы воспрепятствовать этому. Ты знаешь, что нас предали и похитили у нас ветер.

С этими словами он посмотрел – возможно, по чистой случайности – в сторону полковника Прокколо, притаившегося у духов за спинами.

– Мы прощаемся с тобой, – сказал Бернарди. – Уже вечером ты будешь далеко отсюда, в большом вечном лесу, о котором нам столько рассказывали в юности. В бескрайнем зеленом лесу, где нет диких кроликов, сурков и медведек, которые глодают корни, нет жуков-короедов, точащих древесину, и гусениц, которые пожирают хвою. В тот лес не нагрянет буря, и его минуют грозы и молнии – даже жаркими летними ночами.

Ты встретишь там наших погибших товарищей. У них началась новая жизнь, можно не сомневаться. Они превратились в молодые ростки, которые едва пробились из-под земли, чтобы опять научиться жить и стремиться ввысь, к небу. Многие из них наверняка уже вытянулись, окрепли. Передавай привет старику Теобио, если увидишь его. Скажи, что такой ели, как он, за это время не выросло, а ведь с тех пор, как его не стало, прошло больше двухсот лет. Думаю, ему будет приятно.

Расставаться вот так, как мы сейчас, – больно. Мы успели привязаться друг к другу, и то, что случилось, кажется странным. Но настанет день, и мы встретимся. И снова наши ветви будут сплетаться, и продолжатся долгие беседы, а птицы, как раньше, будут слушать нас. Ведь в том вечном лесу живут большие прекрасные птицы с разноцветными перьями – птицы, каких в наших краях нет.

Я, признаться, подготовил длинную речь, но она не пригодилась, и ладно, так даже лучше – говорить, как лежит на сердце. Через несколько дней – а может, уже завтра – вслед за тобой отправится еще один из нас, и вполне вероятно, что таких будет много и среди них окажусь я тоже.

К твоему приходу там все приготовили: ты сразу найдешь, где обосноваться, и вскоре у тебя будет крепкий ствол еще краше прежнего. В том лесу ели достигают трехсот метров в высоту и проходят сквозь облака. Словом, жизнь там хороша. Как знать, может, уже через два-три месяца ты позабудешь своих братьев из Старого Леса и даже не вспомнишь о счастливых временах, проведенных тут вместе с нами, – боюсь, так оно и случится.

Бернарди замолк. Саллюстио пожал ему руку и сказал:

– Спасибо. А теперь вам пора расходиться, погода портится. Так что можно обойтись и без церемоний.

Глава X

Пока Бернарди говорил, налетела буря. На небе громоздились свинцовые тучи, лес пригибался под грозными порывами ветра. То и дело раздавался треск сломанных веток, падавших на землю.

Духи испугались, что их деревья повалит ураган; каждый забеспокоился о своей ели и захотел провести ее. Доподлинно известно, что, пока Бернарди произносил речь, духи потихоньку разошлись, бросив товарища, который вот-вот должен был умереть.

На опушке огромного леса остались только дровосеки, Бернарди, Саллюстио и полковник. Но вскоре и Бернарди скрылся в чаще.

Себастьяно Проколо сомневался, что тучи нагнал Маттео. Он позвал ветер, тот сразу откликнулся – очевидно, кружил где-то поблизости – и уверил полковника, что вел себя смирно. Но у полковника все равно закрались подозрения на его счет: Маттео наверняка воспользовался неразберихой и, затерявшись среди других ветров, пару раз качнул ели.

Нам так и не удалось найти объяснение тому, отчего Себастьяно Проколо не ушел домой, видя приближение ненастья. Он не сдвинулся с места, и теперь все заметили его, поскольку духи, за спинами которых он прятался, разбрелись по своим жилищам. Шелест ветвей превратился в зловещий гул, который временами перекрывал визг пилы.

Внезапно дух той ели, которая была обречена на гибель, подошел к полковнику.

– Вы явились, чтобы отменить приказ? – спросил он.

– Отменить приказ? – удивился Проколо.

– Ну, я подумал, а вдруг хозяину этих мест, полковнику Проколо, пришлось на ум сохранить ель и он распорядился остановить работу.

– За всю жизнь полковник Проколо ни разу не отменял собственных приказов, – ответил Себастьяно ледяным тоном.

– Вы знакомы с ним?

– Уже много лет.

– Если бы они перестали пилить, – сказал дух, кивнув в сторону дровосеков, но избегая смотреть на них, – моя рана, наверное, зарубцевалась бы и я смог бы жить дальше... – Тут он резко обернулся, вытянул руку, словно хотел указать на что-то, и голосом, полным отчаяния, вскрикнул: – О, вы только взгляните!..

Из опасения, что разбушевавшийся ветер толкнет дерево не в ту сторону, в какую оно должно было упасть, дровосеки принялись работать с двойным усердием и почти допилили ствол. Теперь они тянули за трос, чтобы наконец повалить ель.

– Осторожно, господин полковник! – крикнул один из них, решив, что Проколо стоит слишком близко и, падая, дерево может задеть его.

Но полковник не шелохнулся. Дух вдруг загадочным образом исчез. Из тела ели раздался скрип, похожий на стон от нестерпимой боли. Ствол начал медленно крениться, а потом, ускорившись в падении, гулко рухнул на землю.

Еще некоторое время сломанные ветви продолжали вздыхать. Затем все звуки растворились в рокоте леса. Собрав инструменты, дровосеки поспешили прочь: небо становилось все чернее.

Но даже тогда полковник не сдвинулся с места. Он стоял, точно окаменев, и смотрел на мертвую ель, очертания которой размывал сумрак, – небо было плотно затянуто тучами, к тому же близилась ночь. Со всех сторон полковника темной стеной обступал лес, и голос, который издавала чаща, с каждой минутой становился все мрачнее и глуше.

Казалось, Себастьяно Проколо вообще утратил способность двигаться. Он стоял замерев вот уже около получаса. Когда он наконец пошевелился, уже стемнело, ветер совсем разбушевался, с неба упали первые капли.

Размахивая палкой, словно в приступе страшного гнева, полковник начал звать: «Маттео! Маттео!» Но никто не ответил. С вышины доносились только голоса чужих ветров, трепавших лес, но что они говорили, он не понимал.

Между раскатами грома он звал Маттео еще шесть раз. Потом направился к дому, сохраняя суровый вид и самообладание, как всегда, однако он явно нервничал. Его крики быстро гасли, и их вбирал в себя шум леса. Под конец он заблудился: в темноте никак не мог отыскать тропинку, по которой пришел. Дождь лил всюду.

Вдруг из-за дерева показался человек. Полковник узнал Бернарди, но все-таки обрадовался его появлению.

– Слава богу, хоть одна живая душа! – воскликнул он. – Я заблудился.

– Я провожу вас, – отозвался Бернарди. – К тому же мне нужно кое-что вам сказать.

Глава XI

Мы не знаем, о чем они говорили во время беседы, которая длилась до рассвета. Полковник заперся с Бернарди у себя в кабинете и из предосторожности закрыл ставни: вдруг Маттео начнет любопытствовать. Так что свидетелей не было. Той ночью в комнате не оказалось даже мышей³. Лишь на основании того, что случилось впоследствии, можно судить о содержании разговора.

Видимо, Проколо пообещал Бернарди приостановить вырубку Старого Леса. Быть может, его слегка огорчила смерть Саллюстио. Но ясно, что именно выгодное предложение Бернарди заставило полковника пойти на уступки.

Известно – хотя тут нам недостает точных сведений, – что, заключив это соглашение, полковник получил огромную власть над духами Старого Леса. Духи обязались собирать хвост и старые упавшие деревья и перетаскивать все это на опушку, куда подъезжали телеги и грузовики. Учитывая протяженность лесных угодий, такого материала могло набраться предостаточно. И на торговле – даже если делать расчеты, исходя из самой низкой цены – Проколо заработает больше, чем сбывая срубленные ели, и к тому же сохранит лес. Главное – никому, кроме духов, было не под силу собрать годную для топки древесину, раскиданную по столь обширным владениям.

Благодаря этому соглашению, заключенному 15 июня, Себастьяно приобрел особое, внушающее страх могущество, о котором по сей день поговаривают в долине. Никто, кроме нас, толком не знает, в чем проявлялось это могущество, – не случайно про полковника стали рассказывать невесть что, превратив его в персонажа угрюмого и коварного. (Заметим, кстати, что на громадной территории, принадлежавшей Бенвенуто, постоянно вырубались деревья. Этим участком леса, как уже упоминалось выше, распоряжался Проколо, опекун мальчика.)

Судя по всему, полномочия Проколо не были безграничны: он командовал лишь заготовкой дров и не обладал подлинной властью над духами. Тем не менее до него никому из людей не доводилось оказывать на них столь сильного влияния.

³ Предметы мебели, прежде всего старый комод, вероятно, что-то услышали. Но расспрашивать их бессмысленно. Они ведь не владеют даром речи, если, конечно, не считать редких поскрипываний. Им бы понадобилось по меньшей мере тридцать лет, чтобы пересказать нам весь разговор.

Глава XII

Однажды ночью (21 июня) в лесу был праздник. И около десяти часов вечера Проколо догадался об этом⁴. Он тут же спросил Аюти – тот задержался у полковника дольше обычного, беседуя о делах, – не знает ли он тропинки, которая вела бы напрямик в Старый Лес, и не согласится ли проводить его туда. С какой целью, Проколо объяснять не стал. Аюти обещал показать ему дорогу. (С наступлением сумерек ветер Маттео предупредил полковника, что ему нужно будет отлучиться до утра.)

Через полчаса они подошли к Старому Лесу. И, освещая себе путь фонарем, зашагали по едва приметной тропке, которая углублялась в чащу, и вскоре оказались на широкой поляне, залитой лунным светом.

Поляну окаймляли высоченные ели, густо-черные под покровом темноты. Посередине лежало дерево, свалившееся, видимо, уже давным-давно: на голом стволе совсем не осталось веток.

Именно здесь и был праздник. Хотя, в общем-то, ничего в глаза не бросалось, если не считать огоньков, мерцавших в хвое, серебристого сияния луны, а также духов, которые собрались на краю поляны.

Во мраке полковник едва мог различить их; они стояли молча и неподвижно, словно ждали чего-то.

Как только Проколо с Аюти вышли из чащи, фонарь погас. (Потом об этом много толковали: кое-кто утверждал, будто полковник нарочно потушил его, опасаясь, что их заметят. Но вероятно, люди, которым такая мысль могла прийти в голову, понятия не имели, что за человек был Проколо.)

Они остановились там, где их еще скрывала тень от деревьев, и решили понаблюдать. «Ерунда какая-то. Не происходит ровным счетом ничего», – обратился полковник к Аюти и рассмеялся. В тишине его смех прозвучал жутковато.

«В таком случае я пойду, если позволите, – сказал Аюти. – Мне еще идти до самого Нижнего Дола. А завтра ждет работа».

Проколо даже не попрощался с ним, настороженно прислушиваясь к бормотанью, доносившемуся из леса. Голос показался ему знакомым. И действительно, вскоре он узнал Маттео. В то же мгновение далеко-далеко внизу пробил колокол. Проколо посмотрел на часы: была полночь.

И Маттео начал свой концерт. Он кружил по поляне, раскачивая деревья и перебирая ветви, – так рождалась музыка.

Звуки накатывали все более мощными волнами, и постепенно в их переливах стала различима настоящая песня:

Люди никогда не видели его,
когда осенними вечерами
он проходил мимо домов,
оставляя на пыльных улицах
длинные следы, —

⁴ Иными ночами, когда стоит тишь и на небе ярко светит луна, в лесу случаются праздники. Их точную дату установить невозможно, и нет явных примет, которые указывали бы на их приближение. О празднике можно догадаться по какой-то особенной благодати, разлитой в воздухе. Впрочем, люди в большинстве своем никогда этого не замечают. Однако есть и такие, кто вмиг чувствует. Подобным вещам нельзя научиться. Тут все дело в тонкости восприятия: некоторым она дана от природы, другие же ею не обладают вовсе и поэтому идут себе как ни в чем не бывало, в блаженном неведении, по ночному лесу и даже не подозревают, что там происходит, а лес между тем полон ликования.

на улицах, где под грозовым небом
не встретишь ни души.
Люди занимались своими делами
и совсем не замечали, как он
в темных одеждах
проносился у них под окнами.
И только потом, обнаружив его
следы, говорили:
«Вы видели эти следы? вы видели?
Должно быть, он прошел здесь.
Горе нам!»
Лишь мне доводилось встречать его,
когда осенними вечерами
я бродил по улицам,
по пустынным улицам, где ни души.
В тот день он нес за плечами...

Здесь ветер запнулся.

– ...нес за плечами... нет, не так. Память меня подводит, прошло двадцать с лишним лет с тех пор, как я не выступал перед вами. А ведь я не повторял этих песен. Подскажите, лесные жители, что там было дальше?

– С тех пор и правда много воды утекло, – откликнулся из темноты один из духов. – Даже не знаю, что сказать тебе. Попробуй вспомнить другую песню, а?

И над лесом снова зазвучал голос ветра:

Ладно, поведаю вам историю о филине,
которого никому не довелось увидеть,
хотя где-то он да скрывается, это ясно, —
то ли в расщелине скалы,
то ли под корой дерева,
а может, живет он под землей
в стеклянном ларце.
Он сказочно богат:
горы золота, груды рубинов.
Филин не смыкает глаз,
не знает ни минуты покоя —
он пишет завещание и все боится:
а вдруг не успеет закончить его?
Три тысячи страниц уж исписал...

На этом месте ветер снова сбился.

– Три тысячи страниц уж исписал... Ну что за напасть, даже эту забыл. Эй, филины! Филины, ответьте: вы помните продолжение?

С вершины ели донесся хриплый голос:

– Хотя я и помню эту песню, не подскажу тебе ни слова. История про филина, признаться, никогда мне не нравилась. Скажу больше: по моему мнению, так она просто аморальна.

И ветер предпринял третью попытку. Теперь в его голосе слышалось явное волнение; Маттео понимал, что, запинаясь то и дело, он мог сорвать праздник.

Что ж, расскажу вам про Доссо —
мальчика, который не ведал страха.
Все звери боялись Доссо
и желали его смерти.
Ночью, когда он спал, звери
подкрадывались к дому
и выли до самого рассвета
в надежде напугать мальчика.
Рассвирепев, Доссо просыпался
и палил из ружья.
Однажды он пристрелил лису,
в другой раз – куницу,
потом собак, ежей, сурков.
Но каждый вечер звери возвращались
и однажды сказали ему: «Раз ты
так смел, поди открой серый грот,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.